

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОТЕНЦИЙ И РЕАЛИЗАЦИЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Шувалова Оксана Николаевна

кандидат филологических наук, Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова
oks-shuvalova@yandex.ru

TO THE QUESTION OF THE RATIO OF THE POTENCIES AND THE IMPLEMENTATIONS OF THE LANGUAGE SYSTEM

O. Shuvalova

Summary: The article deals with the correlation of potencies and realizations of the language system and the interrelated concept of norm. In the course of the analysis, the author proposes classifications of existing scientific ideas about potentials and realizations in the language, built on different bases: depending on the level of abstraction, in the direction of understanding the studied question.

The works of famous scientists: L. Elmslev, M.N. Panov, L.V. Scherba, B.A. Serebrennikov, E. Koseriu, S.N. Zeitlin, A.V. Bondarko, L.P. Krysin are considered in the framework of the topic; the ideas of various scientific schools are indicated. There is also a number of examples illustrating the material. The article substantiates the possibility of systematization of the material. Based on the analysis, the author substantiates the rarity role of the factor of taking into account the speaker as a language user and the hierarchical typology of speakers in terms of generality and consciousness, what seems to be the most perspective approach to solving the question of the correlation of the potencies of the language system, their implementation and the normalization of this implementation. When during the speaker's speech activity, the potency turns into an implementation, and then the language user selects from the existing implementations those that are provided for by the regulations.

Keywords: linguistics, language system, the potencies of the language system, the implementations of the potencies of the language system, language norm, usage, the person speaking, the types of the persons speaking, linguistic constructing.

Аннотация: В статье исследуется вопрос о соотношении потенций и реализаций системы языка и взаимосвязанного понятия нормы. В ходе анализа автором предлагаются классификации существующих в науке представлений о потенциях и реализациях в языке, выстроенные на различных основаниях (уровень абстракции, направление движения – от системы к реализации или от реализации к системе, учет фигуры говорящего и др.), базовым из которых представляется учет фигуры говорящего.

В рамках темы рассматриваются труды Л. Ельмслева, М.В. Панова, Л.В. Щербы, Б.А. Серебренникова, Э. Косериу, С.Н. Цейтлин, А.В. Бондарко, Л.П. Крысина; обозначаются идеи различных научных школ. В статье обосновывается возможность систематизации материала. На основании проведенного анализа обосновывается приоритетная роль фактора учета говорящего как пользователя языка и иерархической типологии говорящих по уровню обобщенности и сознательности, что представляется наиболее перспективным подходом для решения вопроса о соотношении потенций языковой системы, их реализации и нормирования этой реализации, когда во время речевой активности говорящего потенция превращается в реализацию, а затем пользователь языка выбирает из существующих реализаций те, которые предусмотрены нормативно.

Ключевые слова: лингвистика, система языка, потенции языковой системы, реализации потенций языковой системы, языковой материал, речевая деятельность, языковая норма, узус, человек говорящий, типы говорящих, лингвоконструирование.

Проблема соотношения потенций языковой системы, их реализаций и связанного с этой проблемой понятия языковой нормы является традиционной в лингвистике. Она интересовала таких классиков лингвистической науки, как Л. Ельмслев [Ельмслев, 2006], Э. Косериу [Косериу, 2001], В. Дресслер [Дресслер, 1978, 1986], Л.В. Щерба [Щерба, 1974], представителей Пражского лингвистического кружка, школы функциональной грамматики проф. А.В. Бондарко [1971, 1973, 1974, 1976, 2001] и других крупных языковедов. Это не случайно, поскольку от того, каким представляется отдельному лингвисту или научному направлению это соотношение, зависит вся модель описания языка, начиная с ее исходного вектора: от системы к реализации (языковому материалу и языковой деятельности – по Л.В. Щербе; контексту, «среде» – по А.В. Бондарко; ситуации, функ-

ционированию и т.п.) или от реализации к виртуальной, конструируемой системе. Соответственно, эта проблематика остается актуальной, но ее дальнейшее развитие затрудняется тем, что имеющиеся концепции не систематизированы и существует терминологическая путаница. Так, например, два популярных в современной текстоориентированной лингвистике термина – **текстообразующие функции и текстообразующие потенции** – используются иногда как синонимы, при том, что ни для первого, ни для второго не дается однозначного определения. Анализ имеющихся научных публикаций показывает, что текстообразующую функцию исследователи обнаруживают практически у всех языковых единиц и категорий, а также у приемов построения текста: текстообразующей функцией обладают, по мнению разных авторов, группы слов (частицы, предлоги, сложные слова,

антонимы и др.), предложения, словосочетания, фразеологизмы, повторы, метафоры, категории персональности, модальности и др. и даже контексты [Мошиашвили, 1982] [Кравченко, 2001] [Куманяева, 2006] [Карпов, 2008] [Клименко, 2008] [Волкова, 2012] [Соловьева, 2015] [Филиппов, 2015] [Болотова, Былкова, 2020]. В результате понятие размывается. Трактовка текстообразующих потенций более тяготеет к единицам уровня предложения, но почти столь же разнообразна [Бороздина, 2003] [Марченко, 2004] [Бизунова, 2005] [Прохорова, 2007] [Жеребило, 2011] [Литневская, Литневская, 2015] [Лапынина, 2018]. Другим известным примером понятийной несогласованности в этой сфере является применение понятия **нормы** по отношению к системе или к ее реализации определенного типа.

Цель настоящей статьи – предложить систематизацию сформулированных в трудах ведущих лингвистов XX – XXI вв. взглядов на соотношение потенций языковой системы и их реализации, что позволяет выделить существенные для лингвистической методологии особенности, различающие эти концепции.

Понимание потенции и реализации в работах лингвистов, обладающих собственной научной концепцией, зависит прежде всего **от уровня абстракции**.

В качестве потенции может рассматриваться:

- а) некий общий «язык-схема», реализующийся в конкретных языках;
- б) система отдельного языка, реализующаяся в речи (текстах) на данном языке;
- в) набор свойств (формальных, семантических, функциональных) отдельного элемента системы, определяющих его использование.

Максимальный уровень абстракции представляет, например, глоссематика Л. Ельмслева — общая теория языка, образующая, по характеристике, данной А. Мартине, «некую замкнутую систему, которая при помощи дедуктивной операции позволяет исчислить возможности, исходя из заранее заданных предпосылок» [Ельмслев, 2006, с. 8]. В лингвистических энциклопедиях и учебниках по языкознанию встречается характеристика теории Ельмслева как описания потенций языковой системы, оторванного от описания реализаций. В частности, в энциклопедии «Кругосвет» сказано: «По мысли Ельмслева, общая теория языка должна строиться дедуктивно, идти не от фактов конкретных языков, а от общих, заимствуемых из формальной логики принципов. Теория не должна зависеть от опыта; предсказывая возможности, она ничего не говорит об их реализации» [Кругосвет]. Последняя фраза является прямой цитатой из самого Ельмслева, который пишет в «Пролегоменах к теории языка»: «Исчисление позволяет предсказывать возможности, но ничего не говорит об их реализации» [Ель-

мслев, 2006, с. 41]. Однако тут же он указывает: «Объекты, интересующие лингвистическую теорию, суть тексты. <...> Пользуясь инструментом лингвистической теории, мы можем извлечь из выборки текстов запас знаний, который снова можно использовать на других текстах. Эти знания касаются не только и не столько процессов или текстов, из которых они извлечены, но системы или языка, на основе которой (или которого) построены все тексты определенной природы и с помощью которой (или которого) мы можем строить новые тексты. Посредством лингвистической информации, полученной нами таким образом, мы можем построить любые мыслимые или теоретически возможные тексты на одном и том же языке» [Ельмслев, 2006, с. 41-42]. Поскольку общая лингвистическая теория, однако, должна годиться для описания и построения текстов на любом языке, а эмпирическое изучение текстов на всех языках невозможно, «лингвист-теоретик, как и всякий другой теоретик, должен представить себе все мыслимые возможности, которые он сам не испытал и не видел, реализованными, хотя некоторые из них, вероятно, никогда не будут реализованы. Только таким образом можно создать лингвистическую теорию, которую с уверенностью можно применять» [Ельмслев, 2006, с. 42]. Таким образом, и до того, как в работе «Язык и речь» («Langue et parole») [Ельмслев, 1942] Ельмслев выделяет, помимо «языка-схемы» как системы потенций, «язык-норму», «язык-узус» и конкретный языковой акт, которые выступают как реализации по отношению к «языку-схеме», концепция «языка-схемы» у Ельмслева не была оторвана от представления о реализации. Только это представление возникало «на другом конце» рассуждения. Цель общей теории языка, по Ельмслеву (как отмечает А. Мартине), на основе анализа текстов «вскрыть систему, стоящую за последовательностью, которой является изучаемый текст или любой другой текст из тех, какие уже созданы или будут созданы на данном языке» [Ельмслев, 2006, с. 8]. То есть переход от реализаций к потенциям как метод исследования заложен уже в самом начале глоссематики. Обобщая размышления Ельмслева, Мартине делает вывод о том, что, действительно, «чтобы лингвистическая теория была универсальной, теоретик должен предвидеть и учесть при ее создании все мыслимые лингвистические возможности, в том числе и такие, какие ему никогда не встречались или никогда не были описаны» [Ельмслев, 2006, с. 8-9]. «Независимость от опыта» наступает на этапе дедуцирования, когда теория уже создана. Но в исходной точке стоит анализ текстовой последовательности, которая дает материал для формирования представления о системе возможностей.

Исходя из этого, можно определить еще один способ классификации существующих в науке представлений о потенциях и реализациях в языке – по направлению их осмысления:

1. Реализации (тексты) рассматриваются как материал для формирования представлений о потенци-

ях (система), для их описания;

2. Потенции (система) рассматриваются как основа для формирования представления о реализациях (текстах, текстовом функционировании единиц), для их описания.

Третье основание классификации взглядов на потенцию и реализацию в языке – **наличие или отсутствие в трактовке, предлагаемой тем или иным лингвистом, фигуры человека говорящего как пользователя языка**. У Ельмслева, например, эта фигура отсутствует. У Э. Косериу антропоцентрический фактор возникает в понятиях «языкового коллектива», «общества», «культуры», когда он характеризует языковую систему как «систему возможностей, координат, которые указывают открытые и закрытые пути в речи, понятной данному коллективу» [Косериу, 2001, с. 197], и в то же время как «систему обязательных реализаций..., принятых данным обществом и данной культурой» [Косериу, 2001, с. 174-175]. В целом в его концепции и понятие потенции (возможности), и понятие «обязательной реализации» связываются с языковой системой. «Норма» понимается у Косериу как «реализованный язык» [Косериу, 2001, с. 175].

Двоичность (система – реализация, система – норма, система – узус) или троичность (система – реализация/узус – норма) противопоставления также может использоваться как критерий классификации концепций. Так, Б.А. Серебренников, рассматривая понятие языковой нормы как совокупности нормативных реализаций, указывает, что эти нормативные реализации социально-исторически обусловлены, то есть предопределяются структурой языка, но далее отбираются определенным языковым коллективом в определенный исторический период [Серебренников, 1970]. Структура (система) языка выступает как генератор потенций, а языковой коллектив как «посредник» между этими потенциями и нормой. Соответственно, одна и та же структура языка (набор потенций) может посредством разных селективных операций социума реализоваться в разных нормах, например, любой литературный язык представляет собой результат более строгого и целенаправленного отбора, чем другие идиомы в пределах национального языка.

В работах М.В. Панова [Панов, 1956, 1968] и Л.П. Крысина [Крысин, 2004, 2017] встречается синонимическое использование терминов «узус» и «норма», которое Л.П. Крысин объясняет, указывая на разное соотношение узуса и нормы и соответственно системы языка и ее реализации в кодифицированной и некодифицированной сфере [Крысин, 2017]. Применительно к кодифицированному языку выступает троичное противопоставление «система – узус – норма», применительно к некодифицированному – двоичное, при котором узус и норма приравниваются. Действительно, при отсутствии созна-

тельного отбора запреты на употребление той или иной формы, единицы, модели могут быть только системными. В литературном же языке реализация потенциальности языковой системы ограничивается языковым коллективом «по договоренности» и то, что «позволяет сказать» система языка, запрещает норма: «Литературная норма объединяет в себе и языковую традицию, и кодификацию, которая во многом основывается на этой традиции. Тем самым литературная норма противопоставлена, с одной стороны, системе (не всё, что допускает языковая система, одобрено нормой), а с другой, – речевой практике, узусу: в речевой практике вполне обычны большие или меньшие отклонения как от традиционной нормы, так и от тех нормативных предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях» [Крысин, 2017, с. 23].

Понятия «потенция» и «реализация» могут рассматриваться и **относительно отдельных типов говорящих**, например, в исследованиях детской речи. С.Н. Цейтлин подробно анализирует эту проблему в ряде своих работ. В частности, в «Очерках по словообразованию и формообразованию в детской речи» детская речь рассматривается, как область, в которой выявляется «реальное наличие огромных ресурсов слово- и формообразования, существующих в современном языке и не использованных языковой нормой» [Цейтлин, 2009, с. 47]. Опираясь на теорию Э. Косериу, Цейтлин определяет систему «как совокупность правил, регулирующих использование языковых средств в максимальном отвлечении от их лексико-семантических и прочих свойств» [Цейтлин, 2009, с. 47]. В системе выделяется ядро, в котором максимально проявляются типологические черты и минимально идиоэтнические, и периферия. Детские речевые инновации имеют особый статус, т.к. в них выявляются «удивительные на первый взгляд факты, которые можно интерпретировать как реализацию чрезвычайно глубоких возможностей системы, не реализованных в русском языке, но существующих в других языках» [Цейтлин, 2009, с. 47]. К таким фактам принадлежат «инограмматические» детские образования, например каузативная оппозиция конверсивного типа, не свойственная русскому кодифицированному языку, но характерная для английского (*boil – кипятить и кипеть*).

Языковая норма, сознательно не отграничиваемая в исследовании Цейтлин от узуса, выполняет две функции:

- функцию реализации («соотношение «система – норма» при этом трактуется как потенция – реализация данной потенции») и
- функцию селекции, выбора («система – норма» при этом соотносятся как инвариант – вариант). По мысли Цейтлин, «в большинстве случаев выявляемая в речи вариативность нормы есть «вырвавшаяся наружу» вариативность системы, по тем или иным причинам не встретившая заслона» [Цейтлин, 2009, с. 48].

Рассмотрение инноваций в речи детей на фоне потенциалов языковой системы позволило выделить несколько типов таких инноваций:

1. соответствующая языковая единица имеется во взрослой языковой системе, но создана иным способом (*искаю вместо ищу*);
2. заполнение абсолютной лакуны. когда во взрослой языковой системе данная единица отсутствует вообще: «Вон бабочка прицветочилась» [Цейтлин, 2009, с. 331].

Такой взгляд релевантен не только для изучения детской речи, но для понимания системы отдельного языка, в которой реализуется лишь небольшая часть того, что заложено в системе языка в целом. Лакуны, заполняемые ребенком, «как бы запрограммированы языковой системой» [Цейтлин, 2009, с. 46]. В этом исследовании онтолингвистов сходятся с точкой зрения специалистов по лингвоконструированию, к которым относится и автор данной статьи [Шувалова 2006, 2010, 2013]. Мы рассматриваем системы искусственных языков, заложенные в них видимые и скрытые возможности и варианты их реализаций. Если сконструированные языки выходят на уровень реальной коммуникации, то есть перестают быть прерогативой своего конструктора, спектр наших исследований расширяется, поскольку увеличивается количество говорящих, имеющих доступ к языковой системе, по-разному реализующих ее в своей речевой деятельности и имеющих разные точки зрения на то, что допустимо (нормативно), а что-нет

Наконец, в качестве примера рассмотрения потенци и реализации в языке на уровне отдельных элементов, можно привести исследования петербургской школы функциональной грамматики. А.В. Бондарко в русле своего функционально-грамматического подхода рассматривал диаду «потенция – реализация» в применении к понятию «функция». Выделяя в функциях языковых единиц взаимосвязанные аспекты потенци и реализации, акад. Бондарко указывал, что их отношение связано с соотношением компетенции и исполнения: «Компетенция в данном случае - это потенциал рассматриваемой единицы в языковой системе, а исполнение - процессы и результаты взаимодействия этой единицы с элементами среды, выступающими в высказывании и в целостном тексте» [Бондарко, 2001]. Те же два аспекта можно выделить, по мысли Бондарко, и относительно функций высказывания (текста). Тогда потенциальный аспект (потенции речи) – это «возможности (конечно, связанные с использованием элементов языковой системы), существующие при программировании и формировании высказывания и целостного текста», это «потенциальное назначение речевого акта (речевого произведения)», а реализационный аспект - реализация этого назначения» [Бондарко, 2001].

Исходя из изложенного, нам представляется, что основополагающим из выявленных факторов, влияющих на осмысление тем или иным лингвистом или научной школой соотношения между потенциальными и реализациями языковой системы и языковой нормой, то есть тем фактором, от которого в большей или меньшей степени зависят все остальные, независимо от того, эксплицируется ли этот фактор и эта зависимость, **служит учет фигуры говорящего и типа этой фигуры**. У Л. Ельмслева фигуры говорящего вовсе нет (операции селекции и комбинации языковых фактов из системы подлежат ведению исследователя). У Э. Косериу – это совокупный говорящий (общество). У С.Н. Цейтлин - это отдельный субъект, обладающий индивидуальной, изменяющейся языковой компетенцией (взрослый или ребенок). У Л.П. Крысина – общество, устанавливающее норму, и говорящий, речевая деятельность которого в условиях литературного языка «осуществляется в постоянном (но при этом обычно не осознаваемом) согласовании собственных коммуникативных действий с возможностями системы, с тем, что предписывают словари и грамматики данного языка (т. е. с нормой), и с общепринятыми в данное время в данном социуме средствами и способами его использования (речевой практикой, узусом)» [Крысин, 2017, с. 27]. У А.В. Бондарко фигура говорящего не определена, ее соотношение с совокупным говорящим (обществом), степень ее индивидуальности и динамичности по отношению к системе и ее реализациям остается непроясненной.

При всем значительном количестве размышлений о соотношении потенци языковой системы, их реализации и нормирования этой реализации, наиболее перспективными сегодня представляются те, в которых присутствует фигура говорящего, причем рассматриваемая на нескольких уровнях обобщения:

1. индивидуальный говорящий, конкретный пользователь языка, в речевой деятельности которого потенция превращается в реализацию,
2. тип (группа) говорящих, либо имеющих и воплощающих сознательный подход к реализациям и ограничениям реализаций языковой системы (например, носители так называемой «новой этики», требующие запрещения или изменения употребления тех или иных слов в угоду ее принципам), либо особым образом реализующих языковую систему в своей речевой деятельности в силу своих психофизиологических и др. особенностей (дети, лица с психическими расстройствами и под.);
3. общество как «совокупный говорящий», который затем, используя имеющиеся на данный момент механизмы распространения, кодификации нормы и «принуждения» к ней, из имеющихся реализаций отбирает те, которые становятся нормативно закрепленными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бизунова Е.В. Фразеологизмы и соотношение в них денотативных и образных составляющих // Язык, сознание, коммуникация. Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2005. Вып. 29.
2. Бондарко А.В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Л., 1987.
3. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст / Отв. ред. В.М. Жирмунский. Л., 1971.
4. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики: Текст. Структура и семантика, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/linguistics1/bondarko-01>
5. Бондарко А.В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий. Л., 1973.
6. Бондарко А.В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // Универсалии и типологические исследования: Мещаниновские чтения. М., 1974.
7. Бондарко А.В. Синтаксическая семантика и речевой смысл // Проблемы синтаксической семантики: материалы научной конференции / Отв. ред. Л.С. Бархударов. М., 1976.
8. Бороздина Ю.Е. Текстобразующие потенции и контекстуальные реализации условных сложноподчиненных предложений с союзами недифференцированного значения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Липецк, 2003.
9. Волкова Р.А. Текстобразующие функции эмоционально-экспрессивных частиц в языке прозы Э.М. Ремарка: доминантность, когнитивность, прагматичность // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013.
10. Глоссематика. Энциклопедия Кругосвет. [Электронный ресурс]. URL: http://krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/GLOSSEMATIKA
11. Дресслер В. Об объяснительной силе естественной морфологии // Вопросы языкознания. М., 1986. №5.
12. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII. Лингвистика текста. М., 1978.
13. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. Перевод с англ. / Сост. В.Д. Мазо. М., 2006
14. Жеребило Т.В. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста: Словарь-справочник. Назрань, 2011.
15. Карпов В.И. Текстобразующие функции сложных слов и словосочетаний (на материале готских текстов) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2008, № 2.
16. Клименко Т.Н. Типы и текстобразующие функции иронических контекстов: (на материале романов-антиутопий): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб, 2008.
17. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). М., 2001.
18. Крысин Л.П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. Омск, 2017. № 2 (12).
19. Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц // Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.
20. Куманяева А.Е. Изучение текстобразующей функции лексических средств как путь совершенствования речи учащихся. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М., 2006.
21. Лапынина Н.Н. Текстобразующая роль единицы «если говорить о . . . , то . . . » // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018 № 2(80). Ч. 1.
22. Литневская Е.И., Литневская О.А. К определению текстобразующих признаков когезии и когерентности. // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2015.
23. Мартине А. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева // Прологомены к теории языка. Л. Ельмслев. М., 2006.
24. Марченко Е.П. Полипредикативные сложные предложения в современном русском языке: структурно-семантические, коммуникативные и текстобразующие потенции. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. 10.02.01. Краснодар, 2004.
25. Мошиашвили С.А. Текстобразующие функции фразеологической конфигурации в сверхфразовом единстве: на материале глагольных фразеологических единиц английского языка, характеризующих субъект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1982.
26. Панов М.В. О слове как единице языка // Ученые записки МГПИ. М., 1956.
27. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2 / Под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. М., 2007.
28. Прохорова А.А. Теоретические проблемы текста и текстообразования // Вестник Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина. 2007 г. Вып. 1
29. РЯиСО – Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Кн. 1–4/ под ред. М.В. Панова. М., 1968
30. Серебренников Б.А. Общее языкознание. М., 1970.
31. Сидорова М.Ю., Шувалова О.Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М., 2006
32. Сидорова М.Ю., Шувалова О.Н. Вымышленные языки как гендерные эксперименты // История и филология. Ижевск, 2011.
33. Соловьева Н.В. Текстобразующие функции антонимии (на материале английских антонимов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3. Ч. 2.
34. Филатов К.С. Метафора как способ развертывания журналистского текста. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2015.
35. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.
36. Шувалова О.Н. Вымышленные языки в Интернете. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. 10.02.19. М., 2006.

37. Шувалова О.Н. Вымышленные языки и языковые универсалии // Слово. Грамматика. Речь. М., 2010, Вып. 12.
38. Шувалова О.Н. Модели, которые мы выбираем: вымышленные языки в системе современной виртуальной культуры // Слово. Грамматика. Речь. М., 2013, Вып. 14.
39. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
40. Hjelmslev L. Langue et parole. 1942.

© Шувалова Оксана Николаевна (oks-shuvalova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

